ИВАН ГРУЗИНОВ

15 коп.

ЕСЕНИН

РАЗГОВАРИВАЕТ

О

ЛИТЕРАТУРЕ и ИСКУССТВЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО В. С. П.
МОСКВА, 1926 г.

ИВАН ГРУЗИНОВ

С. ЕСЕНИН

РАЗГОВАРИВАЕТ О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ
МОСКВА
1927

Отпечатано
в типографии ЦИТ
Лужниковская ул., д. 13.
Главлит (Москва) № 70899.
Тираж 3.000 экземпл.

ЕСЕНИН РАЗГОВАРИВАЕТ О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

1919 г.

1

Есенин неподражаемо читал свои стихи: в кругу близких, в клубах, в кафе, на бульварах.

Но насколько хорошо Есенин читал стихи, настолько же плохо он говорил с эстрады. Есенин не был оратором. Говоря в общественных местах, перед посторонней публикой, он долго подыскивал нужные обороты речи, бесконечно тянул неопределенные междометия, иногда неожиданно, с силой выбрасывал отдельные слова, отдельные короткие фразы.

Он интенсивно размахивал руками, стараясь помочь себе жестами. Не найдя нужного ему слова, нужного оборота речи, он часто заменял их жестикуляцией и мимикой.

И несмотря на трудности, с какими сопряжено было для него публичное выступление, он неоднократно выступал с речами: об искусстве, о своих стихах. Он учился ораторскому искусству так же, как учатся плавать: смело бросал себя, как в омут, в толпу.

Но говорить перед большой аудиторией связно и плавно ему удавалось редко.

Аудитория почти всегда добродушно относилась к Есенину, выступавшему с речами.

Однажды он в кафе Домино пытался произнести речь о литературе. Он долго тянул что-то невнятное. Слушатели не выдержали, начали подсмеиваться над оратором.

Послышались возгласы:

— Поэт-то ты, Есенин, хороший, а говорить не умеешь!

— Брось! Лучше читай стихи!

Есенин не докончил речи, виновато махнул рукой и сошел с эстрады.

— Я не оратор. Это правда. Я не оратор,—оправдывался он, подойдя ко мне.

2

Есенин читает В. Розанова. Читает запоем. Отзывается о Розанове восторженно. Хвалит его как стилиста. Удивляется приемам его работы. Розанов в это время для него как поветрие, как корь. Особенно нравились ему „Опавшие Листья".

Стоим под аркой в кафе Домино, под аркой, разделявшей Домино на два зала. Есенин упоминает об одной из книг Розанова.

Я спрашиваю его:

— А ты был, Сергей, знаком с Розановым?

— В Петербурге, когда я юношей приехал туда, я познакомился с Розановым. Розанову нравились мои стихи. Однажды Розанов, встретив меня, приласкал; как мальчика, погладил по голове и сказал: Пиши, пиши! Хорошие стихи пишешь!

3

Георгиевский пер., д. 7, квартира Быстрова.

Есенин увлекается Меем. Помню книжку Мея, в красной обложке, издание Маркса. Он выбирает лучшие по его мнению стихи Мея, читает мне. Утверждает, что у Мея чрезвычайно образный язык. Утверждает, что Мей имажинист.

Повидимому, увлечение Меем было у него непродолжительно. В дальнейшем он не возвращался к Мею, ни разу не упоминал о нем.

4

Домино.

Комната правления союза поэтов. Зимние сумерки. Густой табачный дым. Комната правления по соседству с кухней. Из кухни веет теплынью, доносятся запахи явств. Время военного коммунизма: пища и тепло приятны несказанно.

Беседуем с Есениным о литературе.

— Знаешь ли,—между прочим сказал Есенин,—я очень люблю Гебеля. Гебель оказал на меня большое влияние. Знаешь? Немецкий народный поэт...

— У немцев есть три поэта с очень похожими фамилиями, но с различными именами: Фридрих Геббель, Эмануэль Гейбель и, наконец, Иоганн Гебель—автор „Овсяного Киселя".

— Вот. Этот самый Гебель, автор „Овсяного Киселя" и оказал на меня влияние.

5

Есенин любил конкретно выражать свои мысли, любил наглядность в об'яснении. Любил подкреплять свои мысли сравнениями.

Так, выворачивая перчатку и показывая ее собеседнику, он иногда произносил такую фразу:

— „Я выворачиваю мир, как перчатку".

1920 г.

6

Ночь. Шатаемся по улицам Москвы. С нами два-три знакомых поэта. Переходим Страстную площадь.

— Я не буду литератором. Я не хочу быть литератором. Я буду только поэтом.

Есенин утверждал это спустя 4 года после выхода в свет его повести „Яр", напечатанной в „Северных Записках" в 1916 году. Он никогда не говорил о своей повести, скрывал свое авторство. Повидимому, повесть его не удовлетворяла: в прозе он чувствовал себя слабым, слабее чем в стихах. В дальнейшем он обратился исключительно к стихотворной форме: лирика, поэма, драма, повесть в стихах.

В том же году, после выхода в свет „Ключей Марии", в кафе Домино он спрашивает: хорошо ли написана им теория искусства? Нравятся ли мне „Ключи Марии"?

Почему-то не было времени разбираться в его теории искусства по существу и я ответил, что книжку следовало бы разделить на маленькие главы.

7

Домино. Хлопают двери. Шныряют официанты. Поэтессы. Актеры. Актрисы. Люди неопределенных занятий. Поэты шляются целыми оравами.

У открытой двери в комнату правления союза поэтов: Есенин и Осип Мандельштам. Ощетинившийся Есенин, стоя в полуоборота к Мандельштаму:

— Вы плохой поэт! Вы плохо владеете формой! У вас глагольные рифмы!

Мандельштам возражает. Пыжится. Красный от возмущения и негодования.

8

Осень. Домино.

В кафе Домино два больших зала: в одном зале эстрада и столики для публики, в другом только столики. Эти столики для поэтов. В первый год существования кафе залы разделялись огромным занавесом. Обычно во время исполнения программы невыступающие поэты смотрели на эстраду, занимая проход между двумя залами.

В глубине, за вторым залом, комната правления союза поэтов.

Есенин только что вернулся в Москву из поездки на Кавказ. У него новая поэма: „Сорокоуст". Сидим с ним за столиком во втором зале кафе. Вдруг он прерывает разговор:

— Помолчим несколько минут, я подумаю, я приготовлю речь.

Чтобы дать ему возможность приготовиться к выступлению, я ушел в комнату правления союза поэтов. Явился Валерий Брюсов.

Через две—три минуты Есенин на эстраде.

Обычный литературный вечер. Человек 100 посетителей: поэты и тайнопишущие. В ту эпоху, в кафейный период литературы, каждый день неукоснительно поэты и тайнопишущие посещали Домино или Стойло Пегаса. Они-то и составляли неизменный контингент слушателей стихов. Другая публика приходила в кафе позже: ради скандалов.

На этом вечере была своя поэтическая аудитория. Слушатели сидели скромно. Большинство из них жило впроголодь: расположились на стульях, расставленных рядами и за пустыми столиками.

Есенин нервно ходил по подмосткам эстрады. Жаловался, горячился, распекал, ругался: он первый, он самый лучший поэт в России, кто-то ему мешает, кто-то его не признает. Затем громко читал „Сорокоуст". Так громко, что проходящие по Тверской могли слышать его поэму.

Повидимому, он ожидал протестов со стороны слушателей, недовольных возгласов, воплей негодования. Ничего подобного не случилось: присутствующие спокойно выслушали его бурную речь и не менее бурную поэму.

Во время выступления Есенина я все время находился во втором зале кафе. После выступления он пришел туда же. Он чувствовал себя неловко: ожидал борьбы и вдруг... никто не протестует.

— Рожаете, Сергей Александрович?—улыбаясь спрашивает Валерий Брюсов.

Улыбка у Брюсова напряженная: старается с официального тона перейти на искренний и ласковый тон.

— Да,—отвечает Есенин невнятно.

— Рожайте, рожайте!—ласково продолжает Брюсов.

В этой ласковости Брюсова чувствовалось одобрение и поощрение метра по отношению к молодому поэту.

В этой ласковости Брюсова была какая-то неестественность. Брюсов для Есенина был всегда посторонним. Они были чужды друг другу, между ними никогда не было близости. „Сорокоуст" был первым произведением, которое Брюсов хорошо встретил.

Об отношении Есенина к Брюсову можно судить по одной Есенинской частушке:

Скачет Брюсов по Тверской
Не мышой, а крысиной.
Дядя, дядя! я большой,
Скоро буду с лысиной.

9

На улицах Москвы желтые, из оберточной бумаги, афиши:

БОЛЬШОЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ

(Б. Никитская)

В четверг, 4-го ноября с. г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
„СУД НАД ИМАЖИНИСТАМИ".

Литературный обвинитель . . . . . Валерий Брюсов.
Подсудимые имажинисты . . . . И. Грузинов, С. Есенин, А. Кусиков, А. Мариенгоф, В. Шершеневич.
Гражданский истец . . . . . И. А. Аксенов.
Свидетели со стороны обвинения . Адалис, С. Буданцев, Т. Левит.
Свидетели со стороны защиты . Н. Эрдман, Ф. Жиц.

12 судей из публики.

Начало в 7 1/2 час. вечера.

Билеты продаются — Зал Консерватории, ежедневно от 11 до 5 час. Театральная касса РТО (Петровка, 5), а в день лекции при входе в зал.

Суд над имажинистами—это один из самых веселых литературных вечеров.

Валерий Брюсов обвинял имажинистов как лиц, составивших тайное сообщество с целью ниспровержения существующего литературного строя в России.

Группа молодых поэтов, именующих себя имажинистами, по мнению Брюсова, произвела на существующий литературный строй покушение с негодными средствами, взяв за основу поэтического творчества образ, по преимуществу метафору. Метафора же является частью целого: это только одна фигура или тропа из нескольких десятков фигур словесного искусства, давно известных литературам цивилизованного человечества.

Главный пункт юмористического обвинения был сформулирован Брюсовым так: имажинисты своей теорией ввели в заблуждение многих начинающих поэтов и соблазнили некоторых маститых литераторов.

Один из свидетелей со стороны обвинения доказывал, что В. Шершеневич подражает В. Маяковскому и, чтобы убедить в этом слушателей, цитировал параллельно Маяковского и Шершеневича.

Есенин в последнем слове подсудимого нападал на существующие литературные группировки—символистов, футуристов и в особенности на центрифугу, к которой причисляли в то время С. Боброва, Б. Пастернака и Аксенова. Последний был на литературном суде в качестве гражданского истца и выглядел в своей роли старшим милиционером.

Есенин, с широким жестом обращаясь в сторону Аксенова:

— Кто судит нас? кто? Что сделал в литературе гражданский истец, этот тип, утонувший в бороде?

Выходка Есенина понравилась публике. Публика смеялась и аплодировала.

10

Через несколько дней после „Суда над имажинистами“ ими был устроен в Политехническом музее: „Суд над русской литературой“.

Представителем от подсудимой русской литературы являлся Валерий Брюсов.

Есенин играл роль литературного обвинителя. Он приготовил обвинительную речь и читал ее по бумажке звонким высоким тенором.

По прочтении речи стал критиковать ближайших литературных врагов: футуристов.

На этот раз он, сверх ожидания, говорил удачно и быстро овладел аудиторией.

— Маяковский безграмотен!—начал Есенин.

При этом, как почти всегда, звук „г“ он произносил по-рязански. „Яговал“, как говорят о таком произношении московские мужики.

И от этого „ягования“ подчеркивание безграмотности Маяковского приобретало невероятную четкость и выразительность. Оно вламывалось в уши слушателей, это резкое з г р.

Затем он обратился к словотворчеству Велемира Хлебникова.

Доказывал, что словотворчество Хлебникова не имеет ничего общего с историей развития русского языка, что словотворчество Хлебникова

произвольно и хаотично, что оно не только не намечает нового пути для русской поэзии, а наоборот: уничтожает возможность движения вперед. Впрочем, смягчающим вину обстоятельством был признан для Хлебникова тот факт, что он перешел в группу имажинистов: Хлебников в Харькове всенародно был помазан миром имажинизма.

11

Вечер. Идем по Тверской. Советская площадь. Есенин критикует Маяковского, высказывает о Маяковском крайне отрицательное мнение.

Я:

— Неужели ты не заметил ни одной хорошей строчки у Маяковского? Ведь даже у Тредьяковского находят прекрасные строки?

Есенин:

— Мне нравятся строки о глазах газет: Ах, закройте, закройте глаза газет!

И он вспоминает отрывки из двух стихотворений Маяковского о войне: „Мама и убитый немцами вечер“ и „Война об'явлена“.

Читает несколько строк с особой, свойственной ему нежностью и грустью.

Неоднократно Есенин утверждал, что Маяковский весь вышел из Уитмана.

Мне приходилось слышать от Есенина следующую частушку о Маяковском:

О, сыпь! ой, жарь!
Маяковский бездарь.
Рожа краской питана
Обокрал Уитмана.

Отрицательное отношение к Маяковскому осталось у Есенина на всю жизнь.

В сборнике „Советская Страна“, изданном в 1925 году, он пишет о рекламных стихах Маяковского:

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

1921 г.

12

Мы несколько раз посетили с Есениным музеи новой европейской живописи: бывш. собрания Щукина и Морозова.

Больше всего его занимал Пикассо.

Есенин достал откуда-то книгу о Пикассо на немецком языке, со множеством репродукций с работ Пикассо.

13

Ничевоки выступают в кафе Домино.

Есенин и я присутствуем при их выступлении. Ничевоки предлагают нам высказаться об их стихах и теории.

С эстрады мы не хотим рассуждать о ничевоках. Ничевоки обступают нас во втором зале Домино и поневоле приходится высказываться.

Сначала теоретизирую я. Затем Есенин. Он развивает следующую мысль:

В поэзии нужно поступать также, как поступает наш народ, создавая пословицы и поговорки.

Образ для него, как и для народа, конкретен.

Образ для него, как и для народа, утилитарен; утилитарен в особом, лучшем смысле этого слова. Образ для него—это гать, которую он прокладывает через болото. Без этой гати—нет пути через болото.

При этом Есенин становится в позу идущего человека, показывая руками на лежащую перед ним гать.

14

После первого чтения „Пугачева" в Стойле Пегаса присутствующим режиссерам, артистам и публике Есенин излагал свою точку зрения на театральное искусство.

Сначала, как почти всегда в таких случаях, речь его была путанной и бессвязной, затем он овладел собой и более или менее отчетливо сформулировал свои теоретические положения.

Он сказал, что расходится во взглядах на искусство со своими друзьями-имажинистами: некоторые из его друзей считают, что в стихах образы должны быть нагромождены беспорядочной толпой. Такое беспорядочное нагромождение образов его не устраивает, толпе образов он предпочитает органический образ.

Точно также он расходится со своими друзьями-имажинистами во взглядах на театральное искусство: в то время, как имажинисты главную

роль в театре отводят действию, в ущерб слову, он полагает, что слову должна быть отведена в театре главная роль.

Он не желает унижать словесное искусство в угоду искусству театральному. Ему, как поэту, работающему преимущественно над словом, неприятна подчиненная роль слова в театре.

Вот почему его новая пьеса, в том виде, как она есть, является произведением лирическим.

И если режиссеры считают „Пугачева" не совсем сценичным, то автор заявляет, что переделывать его не намерен: пусть театр, если он желает ставить „Пугачева", перестроится так, чтобы его пьеса могла увидеть сцену в том виде, как она есть.

1922 г.

15

Есенин в кафе Домино познакомил меня с Айседорой Дункан. Мы разместились втроем за столиком. Пили кофе. Разглядывали надписи, рисунки и портреты поэтов, находящиеся под стеклянной крышкой столика. Показывали Дункан роспись на стенах Домино.

Разговор не клеился. Была какая-то неловкость. Эта неловкость происходила, вероятно, потому, что Дункан не знала русского языка, а Есенин не говорил ни на одном из европейских языков.

Вскоре начали беседу о стихах. И время от времени обращались к Айседоре Дункан, чтобы чем-нибудь показать внимание к ней: по десять раз предлагали то кофе, то пирожное.

В руках у Есенина был немецкий иллюстрированный журнал. Готовясь поехать в Германию, он знакомился с новейшей немецкой литературой.

Он предложил мне просмотреть журнал, и мы вместе стали его перелистывать. Это был орган немецких дадаистов.

Есенин, глядя на рисунки дадаистов и читая их изречения и стихи:

— Ерунда! Такая же ерунда, как наш Крученых. Они отстали. Это у нас было давно.

Я возразил:

— У нас и теперь есть поэтические группы, близкие к немецким дадаистам: фуисты, беспредметники, ничевоки. Ближе всех к немецким дадаистам, пожалуй, ничевоки.

Уходя из Домино Есенин попросил меня дать ему только что вышедшую книжку стихетт известной беспредметницы, сказав, что „Серафические Подвески" у него уже есть.

В творчестве Есенина наступил перерыв. Он выискивал, прислушивался, весь насторожившись. Он остановился, готовясь сделать новый прыжок.

За границей прыжок этот был им сделан: появилась „Москва Кабацкая".

Для „Москвы Кабацкой" он взял некоторые элементы у левых эротических поэтов того времени, разбавил эти чрезмерно терпкие элементы Александром Блоком, вульгаризировал цыганским романсом.

Благодаря качествам, которые Есенин придал с помощью Блока и цыганского романса изысканной и малопонятной левой поэзии того времени, она стала общедоступней и общеприемлемей.

16

Перед от'ездом за-границу Есенин спрашивает А. М. Сахарова:

— Что мне делать, если Мережковский или Зинаида Гиппиус встретится со мной? Что мне делать, если Мережковский подаст мне руку?

— А ты руки ему не подавай!—отвечает Сахаров.

— Я не подам руки Мережковскому — соглашается Есенин: я не только не подам ему руки, но я могу сделать и более решительный жест... Мы остались здесь. В трудные для родины минуты, мы оставались здесь. А он со стороны, он издали смеет поучать нас!

1923 г.

17

По возвращении из-за границы Есенин перевез свое небольшое имущество в Богословский переулок, в комнату, где он обитал раньше.

Здесь он в первый раз читал своим друзьям „Москву Кабацкую".

Комната долгое время оставалась неприбранной: в беспорядке были разбросаны его американские чемоданы, дорожные ремни, принадлежности туалета, части костюма.

На окне бритва и книги: „Антология новейшей русской поэзии" на английском языке и Илья Эренбург—„Гибель Европы".

Есенин по адресу Эренбурга:

— Пустой. Нулевой. Лучше не читать.

18

Вечером мы у памятника Пушкина. Берем извозчика, покупаем пару бутылок вина и направляемся к Зоологическому саду, в студию Коненкова.

Чтобы ошеломить Коненкова буйством и пьяным видом, Есенин, подходя к садику коненковского дома, заломил кепку, растрепал волосы, взял под мышку бутылки с вином. И шатаясь, и еле выговаривая приветствия, с шумом ввалился в переднюю.

После вскриков удивления и об'ятий, после чтения „Москвы Кабацкой", Коненков повел нас в мастерскую.

Сергей хвалил работы Коненкова, но похвалы эти были холодны.

Вдруг он бросается к скульптору, чтобы поцеловать ему руки.

— Это гениально! Это гениально!—восклицает он, показывая на портрет жены скульптора.

Как почти всегда, он и на этот раз не мог обойтись без игры, аффектации, жеста.

Но работа Коненкова, столь восторженно отмеченная Есениным, была пожалуй самой лучшей из всех его вещей, находившихся в мастерской.

19

Стойло Пегаса.

Сергей показывает правую руку: на руке что-то вроде черной перчатки: чернила.

— В один присест написал статью об Америке, для „Известий" Это только первая часть. Напишу еще ряд статей.

Ряда статей он, как известно, не написал. Больше не упоминал об этих статьях.

20

Есенин передавал мне, что будучи в Италии, он посетил Максима Горького.

Читал ему „Черного Человека".

Поэма произвела на Горького большое впечатление. Горький прослезился.

21

Осень.

У Есенина наступает временный перерыв в творчестве.

Он хочет заняться редактированием и переделкой старой литературы для широких читательских масс.

Встретив меня в Стойле Пегаса сообщает:

— Я начинаю работать над Решетниковым. Подготовляю Решетникова для Государственного Издательства.

22

Осень.

Ранним утром я встречаю Есенина на Тверской: он несет целую охапку книг: издания Круга. Так и несет, как охапку дров. На груди. Обеими руками.

Без перчаток. Холодно.

Вечером того же дня в Стойле Пегаса он говорит мне:

— Я занимаюсь просмотром новейшей литературы. Нужно быть в курсе современной литературы. Хочу организовать журнал. Буду издавать журнал. Буду работать, как Некрасов.

1924 г.

23

Летний день. Нас четверо. Идем к одному видному советскому работнику. Хлопотать о деле.

Жарко. Есенин не пропускает ни одного киоска с водами. У каждого киоска он предлагает нам выпить квасу.

Я нападаю на него:

— У тебя, Сергей, столько раз повторяется слово „знаменитый", что в собрании сочинений оно будет на каждой странице. У Игоря Северянина лучше: тот раза два или три написал, что он гений и перестал. А знаешь, у кого ты заимствовал слово „знаменитый"? Ты заимствовал его, конечно бессознательно, из учебника церковной истории протоиерея Смирнова. Протоиерей Смирнов любит это словечко!

Дальше я привожу из Есенина целый ворох церковно-славянских слов.

Он долго молчит. Наконец, не выдерживает, начинает защищаться.

В ожидании приема у советского работника продолжаем прерванный разговор.

— Раньше я все о мирах пел—заметил Есенин,—все у меня было в мировом масштабе. Теперь я пою и буду петь о мелочах.

24

Лето. Пивная близ памятника Гоголя.

Есенин, обращаясь к начинающему поэту, рассказывает, как Александр Блок учил его писать лирические стихи.

— Иногда важно, чтобы молодому поэту более опытный поэт показал, как нужно писать стихи. Вот меня, например, учил писать лирические стихи Блок, когда я с ним познакомился в Петербурге и читал ему свои ранние стихи.

Лирическое стихотворение не должно быть черезчур длинным,—говорил мне Блок.

Идеальная мера лирического стихотворения 20 строк.

Если стихотворение начинающего поэта будет очень длинным, длиннее 20 строк, сно безусловно потеряет лирическую напряженность, оно станет бледным и водянистым.

Учись быть кратким!

В стихотворении, имеющем от 3 до 5 четверостиший, можно все сказать, что чувствуешь, можно выразить определенную настроенность, можно развить ту или иную мысль.

Это на первых порах. Потом, через год, через два, когда окрепнешь, когда научишься писать стихотворения в 20 строк, — тогда уже можешь испытать свои силы, можешь начинать писать более длинные лирические вещи.

Помни: идеальная мера лирического стихотворения 20 строк.

25

В журнале группы имажинистов — „Гостиница для путешествующих в прекрасном"—пропагандировался и выдвигался на первый план Таиров и Московский Камерный театр.

Есенин был недоволен таким положением вещей.

На собраниях группы имажинистов и в частных беседах он говорил:

— Во-первых, вы меня ссорите с Мейерхольдом, с которым я ссориться не намерен; во-вторых, я нахожу, что театр Мейерхольда интереснее театра Таирова.

В дальнейшем, когда рознь в группе имажинистов обозначилась отчетливее, он заявлял:

— В журнале, где выдвигают Таирова и нападают на Мейерхольда, я участвовать не желаю. В журнале, который я организую в дальнейшем, будет пропагандироваться театр Мейерхольда.

26

Есенин редко бывал в театре. И не потому, чтобы он отрицал театральное искусство, а потому, что он был слишком лирик. А еще и потому, что почти все вечера он проводил в кабаках.

В кино он бывал чаще, чем в театре, и опять-таки не потому, что искусство кино он любил больше театрального искусства, а потому, что в кино пойти проще и удобнее.

Из заграничных писем Есенина, из бесед с ним об искусстве Европы и Америки ясно, что современное эстрадное искусство и музик-холлы он ненавидел. Он был глубоко убежден, что музик-холлы и Изы Кремер— вырождение и гибель искусства. По его мнению подобное искусство—это только средство зарабатывать деньги.

В теоретических спорах о театральном искусстве театр Мейерхольда предпочитал он Камерному. Он мечтал у Мейерхольда поставить одну из своих пьес. По традиции же, по жизненным привычкам Есенин тяготел к Московскому Художественному театру.

Изредка, но торжественно, совершив предварительно обряд омовения головы, направлялся он в Художественный театр, и, конечно, не на Чехова, которого он терпеть не мог, а на какую-либо из обстановочных и декоративных пьес: напр., на Феодора Иоанновича.

27

Ни о ком из русских и иностранных писателей Есенин не отзывался с таким презрением, как об Антоне Чехове. К Чехову он относился, как к одному из своих злейших личных врагов. Он выискивал все самое отвратительное и язвительное, чтобы бросить в Чехова.

Откуда у Есенина такая ненависть к Чехову?

Очень может быть, что он ненавидел Чехова за повесть „Мужики", ненавидел Чехова, как типичного представителя русской интеллигенции.

28

Брюсовский пер., д. 2а, кв. 26.

Вечер. Есенин на кушетке, в цветном персидском халате, в туфлях. Берет с подоконника „Голубые Пески" Всеволода Иванова. Перелистывает. Бросает на стол. Снова, не читая, перелистывает и с аффектацией восклицает:

— Гениально! Гениальный писатель!

И звук „г" у него, как почти всегда, по-рязански.

29

Иван Рукавишников выступает в Стойле Пегаса со „Степаном Разиным".

Есенин стоит близ эстрады и внимательно слушает сказ Ивана Рукавишникова, написанный так называемым напевным стихом.

В перерывах и после чтения „Степана Разина" он повторяет:

— Хорошо! Очень хорошо! Талантливая вещь!

30

Стойло Пегаса. Я прочел книгу Александра Востокова: „Опыт о русском стихосложении", изданную в 1817 году. Встретив Есенина, я делился с ним прочитанным, восторгался редкой книгой.

Книга была редкой не только по содержанию, но и по внешнему виду: на ней был в качестве книжного знака фамильный герб одного из видных декабристов.

Я привел Есенину мнение Пушкина о Востокове: „Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию".

Я сообщил ему, что первого русского стихотворца звали тоже Сергеем: Сергей Кубасов, сочинитель Хронографа, по свидетельству Александра Востокова, первый в России написал в XVI веке русские рифмованные стихи.

Темами нашей беседы в дальнейшем естественно были: формы стиха, эволюция русского стиха.

Между прочим Есенин сказал:

— Я давно обратил внимание на переносы в стихе. Я учился и учусь стиху на конкретном стихотворном материале. Переносы предложения из одной строки в другую в первый раз я заметил у Лермонтова. Я всегда избегал в своих стихах переносов и разносок. Я люблю естественное течение стиха. Я люблю совпадение фразы и строки.

Я ответил, что в стихах Есенина в самом деле мало переносов и разносок, в особенности, если иметь в виду его песенную лирику; в этом отношении он походит на наших русских песнетворцев и сказочников: по мнению Востокова переносы и разноски заимствованы нашей искусственной книжной поэзией от греков и римлян.

В одной из моих тетрадок сохранилась выдержка из книги Востокова, относящаяся к нашему разговору. Привожу ее полностью:

„Свойственные Греческой и Римской поэзии, а с них и в новейшую нашу поэзию вошедшие разноски слов (inversions) и переносы из одного стиха в другой (enjambements) в Русских стихах совсем непозволительны: у Русского песнотворца или сказочника в каждом стихе полный смысл речи заключается, и расположение слов ничем не отличается от простого разговорного".

1925 г.

31

Лето.

По возвращении с Кавказа Есенин сообщал о романе, который он будто бы начал писать. Но, повидимому, это было только предположением. К прозе он не вернулся.

Намерение его осталось невыполненным.

32

Лето.

Я с Есениным у одного из наших общих знакомых. Он мечтает отпраздновать свою свадьбу: намечает—кого пригласить из друзей, где устроить свадебный пир.

Бывает так: привяжется какой-нибудь мотив песни или стихотворный отрывок, повторяешь его целый день. К Есенину на этот раз привязался Демьян Бедный:

Как родная меня мать
Провожала.
Тут и вся моя родня
Набежала.

Он пел песню Демьяна Бедного, кое-кто из присутствующих подтягивал.

— Вот видите! Как никак, а Демьяна Бедного поют. И в деревне поют. Сам слышал!—заметил Есенин.

— Не завидуй, Сергей, Демьяном станешь!—ответил ему кто-то из присутствующих.

33

Классической музыкой Есенин мало интересовался. По крайней мере я лично за все время нашей многолетней дружбы (с 1918 г.) ни разу не видал его в опере или концерте.

Он плясал русскую, играл на гармонике, пел народные песни и частушки. Песен и частушек знал он большое количество. Некоторые частушки, распеваемые им, были плодом его творчества. Есенинские частушки большею частью сложены на случай, на злобу дня или направлены по адресу его знакомых: эти частушки его, как и многие народные частушки, имеют юмористический характер.

В период 1918—20 г.г., в самый пышный расцвет богемной поэтической жизни Москвы, Есенин на литературных вечерах в кафе Домино и в Стойле Пегаса любил распевать частушки.

С каждым годом он становился угрюмей. Гармонь забросил давно. Перестал плясать. Все реже и реже пел частушки и песни.

Однажды, летом 1921 года, я направился в Богословский переулок, чтобы послушать только что написанного „Пугачева".

Лишь только я вошел в парадное дома № 3, как до меня стали доноситься какие-то протяжные завывания. Я недоумевал: откуда эти странные звуки?

Вхожу в переднюю. Дверь, ведущая в комнату, расположенную по левую сторону, открыта. Есенин и Орешин сидят в углу за столом и тянут какую-то старинную песню.

Они были неподвижны. Лица их посинели от напряжения. Так поют степные мужики и казаки.

Я не хотел мешать певцам, мне жаль было прерывать песню, и можете себе представить, сколько времени мне пришлось бы стоять в передней?

Песня была неокончена: Сергей заметил меня и потянул в комнату.

Один глаз у него был подбит: синяк и ссадина.

— Это я об косяк, это я об косяк,—повторял он, усаживая меня за стол.

Осенью 1925 года я собирался устроить вечер народной песни. По моим предположениям на вечере должны были петь: поэты из народа и мои деревенские друзья.

Я пригласил Есенина на этот вечер народной песни. Он из'явил согласие принять участие на вечере, но сделал это с полным равнодушием. Я заметил его безразличное отношение к песням и спросил:

— Ты, кажется, разлюбил народные песни?

— Теперь я о них не думаю. Со мной было так: увлекался песнями периодически; отхожу от песни и снова прихожу к ней.

34

Всем известно литературное „супружество“ Клюева и Есенина. На нем останавливаться не буду.

Уже с 1918 года Есенин начинает отходить от Клюева.

Причины расхождения с Клюевым излагаются в „Ключах Марии“.

„Для Клюева“, пишет автор „Ключей Марии“: „все сплошь стало идиллией гладко причесанных английских гравюр, где виноград стилизуется под курчавый порядок воинственных всадников“. „Сердце его не разгадало тайны наполняющих его образов“... „он повеял на нас безжизненным кружевным ветром деревенского Обри Бердслея“... „художник пошел не по тому лугу. Он погнался за яркостью красок и „изрони женьчужну душу из храбра тела, через злато ожерелие“.

Те же мысли мы находим у Есенина в стихотворении, посвященном Клюеву: „Теперь любовь моя не та“.

Однако, в последнее время у него были попытки примирения с Клюевым, попытки совместной работы.

Так в 1923 году, когда обозначился уход Есенина из группы имажинистов, он прежде всего обратился к Клюеву и хотел восстановить с ним литературную дружбу.

— Я еду в Питер—таинственным шопотом сообщает мне Сергей: я привезу Клюева. Он будет у нас главный, он будет председателем

Ассоциации Вольнодумцев. Ведь это он учредил Ассоциацию Вольнодумцев!

Клюева он действительно привез в Москву.

Устроил с ним несколько совместных выступлений. Но прочных литературных взаимоотношений с Клюевым не наладилось. Стало ясно: между ними нет больше точек соприкосновения.

В это же время у Есенина наступил едва ли не самый бурный период его московской кабацкой жизни. Есенин побил рекорд буйства.

Кафейные скандалы, один грандиознее другого, следовали непрерывно, а вслед за скандалами следовали и ночевки в отделениях милиции. Кончилось санаторием.

Клюева он бросил на произвол судьбы.

— Сереженька-то наш, Сереженька-то наш совсем спился, совсем спился—сокрушенно причитая, жаловался мне Клюев.

И уехал обратно в Петроград.

Со стороны Есенина это была последняя попытка совместной литературной работы с Клюевым. Личными друзьями они остались: Есенин, приезжая в Ленинград, считал своим долгом посетить Клюева.

К последним стихам Клюева Есенин относился отрицательно.

Осенью 1925 года Есенин, будучи у меня, прочел „Гитарную" Клюева, напечатанную в ленинградской Красной Газете.

— Плохо! Никуда! вскричал он и бросил газету под ноги.

35

Осень. Есенин и С. А. Толстая у меня.

Даю ему новый карандаш.

— Люблю мягкие карандаши—восклицает он: этим карандашом я напишу строк тысячу!

Мысль о создании журнала до самой смерти не покидает Есенина. На клочке бумаги он набрасывает проект первого номера журнала:

1. Статью.
2. Статью.
3. Конч. о живописи.

Репродукции.

Ес.

Груз.

Нас.

Рецензии.

— Я непременно напишу статью для журнала. Непременно. Я знаю твою линию в искусстве. Мы не совпадем. Я напишу иначе. Твоя статья будет дополнять мою и обратно — мечтает Есенин и просит достать ему взаймы червонец. Дня два или три назад он получил гонорар в Госиздате, сегодня уже ни копейки нет.

Для первого номера журнала предполагалось собрать следующий материал: статья Д. Кончаловского о современной живописи; репродукции с картин П. Кончаловского, А. Куприна, В. Новожилова; стихи Есенина, Грузинова, Наседкина.

Проект журнала составлялся спешно. В ближайшее время решили собраться еще раз, чтобы составить подробный план журнала и приступить к работе по его изданию.

36

Осень.

Страх за свое поэтическое будущее, опасение за потерю поэтических способностей, опасение пережить в себе поэта,—все это в разгоряченном и болезненном воображении Есенина выростало до чудовищных размеров, принимало кошмарные и уродливые формы, питало его крайнюю раздражительность.

Мучимый опасениями и подозрениями, он то впадал в глубокое уныние и скорбь, то с безумной злобой нападал на своих мнимых врагов и конкурентов на литературном поприще, которые в сущности были виноваты только в неуместной болтовне и неделикатном отношении к больному поэту.

В качестве иллюстрации я приведу следующий характерный случай.

Месяца за три до своей смерти Есенин пришел ко мне. У меня был Сахаров. Явился Наседкин. Сахаров, любящий азиатскую кухню, предложил пойти на Трубу, в Узбекистанскую столовую.

За обедом Есенин стал упрекать Наседкина в том, что тот кому-то говорил, что он идет на смену Есенина.

Наседкин возразил:

— Неправда. Я счастлив быть звездочкой в созвездии Есенина, если Есенин станет Пушкиным.

И затем добавил, что Сергею следовало бы с годик помолчать, набраться сил.

Тот ничего не ответил.

Из столовой вчетвером направились бульварами на Остоженку.

Все время, пока шли Страстным бульваром, Есенин жаловался мне, что ему завидуют, что ему не дают жить:

— Разве я виноват в том, что я такой! Почему обижаются на меня? Кому я мешаю? Почему я мешаю? Ведь не могу же я заслонить от дру-

гих весь свет!.. Я признаю влияние на меня Блока, признаю влияние Клюева... Вот они влияли на меня! Я ведь этого никогда не скрывал!

На Остоженке подали чай. Есенин уходит на несколько минут в другую комнату. Выходит крайне раздраженный. Неожиданно хватает со стола огромный медный поднос и с криком — „Предатель! вон!!!“ бросается на Наседкина.

Есенин был вне себя.

Никакие уговоры, никакие успокоительные речи окружающих на него не действовали.

Не дождавшись примирения, Наседкин ушел.

Я и Сахаров продолжали успокаивать Есенина: он ругался по адресу ушедшего, грозился, стуча кулаками по столу.

Сахаров куда-то исчез и я остался один с невменяемым Есениным.

Он стал разговаривать с призраками, бросался на воображаемых врагов, сжимая кулаки и скрежеща зубами. Это был припадок настоящего неистовства. Припадок продолжался около получаса.

Затем, немного успокоившись, стал собирать свои вещи: рыскал по комнатам в поисках чемоданов, подушек и одеял.

Откуда-то притащил огромное одеяло, завернулся в него, и, волоча одеяло по полу, собирался немедленно покинуть квартиру.

Он был смертельно бледен, с помутившимися невидящими глазами.

1926 июнь.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕРОССИЙСКОГО

СОЮЗА ПОЭТОВ

МОСКВА, Тверской б., 25. Дом Герцена.

ЛЕНИНГРАД, Мойка, 49. Дом Печати.

1. **„Поэты наших дней“.** Антология. М.—Л. 1924.
2. **Мария Шкапская.** „Кровь—руда“. Стихи. М. 1925.
3. **Мария Шкапская.** „Земные ремесла“. Стихи. 1925.
4. **Э. Т. А. Гоффман.** „Принцесса Блондина“. М. 1925.
5. **Людмила Попова.** „Разрыв—трава“. Стихи. Л. 1925.
6. **Ив. Рукавишников.** „Сказ про Степана Разина“. М. 1925.
7. **Ив. Рукавишников.** „Сказ про попа Федула“. М. 1925.
8. **Вл. Гиляровский.** „Москва и москвичи“. М. 1926.
9. **Варвара Бутягина.** „Паруса“. Стихи. М. 1926.
10. **Памяти Есенина.** Воспоминания. Статьи. Стихи. Иконография. Автографы.
11. **Собрание стихотворений.** Л. 1926.
12. **Новые стихи.** Вып. I. М. 1926.
13. **Новые стихи.** Вып. II. М. 1927.

SPECIAL 88-B
23864

THE GETTY CENTER
LIBRARY

ЦЕНА 40 КОП.